

ПЕСНЯ О РЕЖИССЕРЕ ТАБАЧНИКОВЕ

Не удивляйтесь, если встретите это имя и на других страницах номера. Ибо Ефим Табачников был, без преувеличения, достопримечательностью Владивостока. У людей театра в любом уголке России упоминание об этом человеке вызывает немало воспоминаний — слишком неординарная и колоритная это была фигура. Вот взялся за перо и московский театральный художник Сергей Бархин. Впрочем, о том, как это произошло, он расскажет сам.

Позвонил я в редакцию, чтобы отнести свою, уже готовую, заметку, а мне и говорят, что ничего нет, а номер посвящен Дальнему Востоку и вроде в моих услугах поэтому и не нуждаются. Но все это, конечно, сказали прилично. Тут я и вспомнил, что и я там был, и водку с пивом пил, и жил в страшной гостинице чуть ли не в номере, где останавливались будто бы Бурлюки. Может, они бежали через Владивосток? Я-то нет. Город и порт красоты необыкновенной. Такого рельефа и бухты я не видел нигде, хотя поездил и по миру во время перестройки. Оказался я во Владивостоке в самый мрачный застой. Году в восьмидесятом. По приглашению Ефима Давыдовича Табачникова — тогда главного режиссера театра того города. Позвал он меня делать Уильямса «Ночь Игуаны», и собрались мы запустить на сцену множество черепах за неимением игуан.

В его служебной квартире я и узнал этого благородного человека лучше, чем до того. К моему приезду он жил и пытался сделать театральную революцию в городе уже три, а

может быть, даже пять лет. Жил в той, довольно большой, квартире он один, так как в столь долгую и дальнюю командировку не могли поехать ни жена, ни дочь. Одно окно давно было разбито и пошло паутиной — множеством трещин; заклеенных скотчем. Посередине, наклонясь набок, стоял круглый, сталинских времен столик, вокруг него несколько бутафорских из театра кресел. На стене на двух веревочках висела струганая дощечка, на ней стояли две-три книжки, одна из которых — А. М. Лобанов, его учитель театра. Ефиму Давыдовичу не нужны были чужие мысли и даже поддержка. Он всем был реполнен. А холодильник его был почти пуст. Но мастер не грустил и даже не помнил, не знал об этом. Он питался идеями и релетициями, а тренировался и становился сильным в борьбе с администраторами, директорами и управляющими, умевшими сделать свою жизнь в этом, почти японо-американском порту красивой и комфортабельной.

Совсем недавно Ефим Давыдович умер. А там во Владивостоке он рассказывал еще

как он умер в первый раз очень давно, вернее, как его убили в 1941 году.

К первому дню войны Табачников, кажется, только окончил Государственный институт театрального искусства, а может быть, только поступил, а может быть, даже окончил только школу. Во всяком случае он был совершенно молод и полон творческих сил. Конечно, он пошел добровольцем в первый же день. Собрали их, разношерстных, разномастных и разновозрастных, в какую-то часть уже к зиме, дали им кому ружья, а кому и просто ножи, пообещав потом и ружья, а главное, выдали всем лыжи. Молодому Фиме достались лыжи трех метров длины. Здесь уместно будет сказать, что роста наш герой был небольшого, как говорят, «метр с копейкой» — наверное, 1 м 60 см — 1 м 50 см, а весу и совсем небольшого — может, килограмм пятьдесят — сорок. Это в мое время. А молодым он был совсем мальчик с пальчик. А сразу же пошел на войну с фашистами. В мое время у него были почти чаплиновские усики. Таким вижу я его и в 1941 году. Как он умудрился надеть те лыжи, я не знаю. Как они добивались до мест боев и куда — не помню. Только оказались они в каком-то поле у реки на лыжах. Никто ничего не знает и не понимает. Вроде и командиры куда-то подевались. А они с ножами. Налетели тут фашистские самолеты и разбомбили всех наших добровольцев. Тут-то и ранено нашего Ефима Давыдовича. Но нашлись два морячка добровольца, ко-

торые решились, спасаясь сами, и Фиму нашего спасти. Положили они его на деревянный лафетик, оставшийся от миномета, такой маленький гробик, и поставили его на лыжи, и сами на лыжи, стали выходить из боя, а возможно, даже и из окружения. Речка эта, видно, была недалеко от Москвы, потому что через день прикатили они к какому-то госпиталю на окраине Москвы. Сдали Фиму, а сами к главному врачу за справкой. А он им и говорит, что они дезертиры и привезли, мол, мертвого, чтобы самим смыться. Как так — говорят, привезли раненого и в морг или мертвецкую — искать рядового Табачникова. Выволокли его из горы трупов. Оказался живой. Так спасли и себя, и его во второй раз. Живы ли те морячки сейчас? Кладемся им в пояс и сегодня. За Ефима Давыдовича Табачникова и за все.

Рассказывал тогда мастер и о своем учителе Лобанове, и о своем однокласснике А. А. Гончарове. И все повторял одну дежурную фразу-шутку, что, мол, он ходил в коротких штанишках гения (когда учился — отличался). Мне-то этого не надо было доказывать, и без того все вижу, а вот другим невозможно, не хотели понимать.

Уже собираясь уезжать, спросил я режиссера, нельзя ли где-нибудь в городе купить чего рыбного в Москву — может, икры. Не знаю — говорит. Кажется, в нашем доме магазин «Рыба», как будто там бывают какие-то гребешки. А заметьте — в городе он уже боль-

ше трех лет. А не знал ничего, кроме театра. Гребешки я, конечно, купил. Да еще какой-то рыбы мне достал Данилка Данилин — Карагодский, который теперь процветает — горюет где-то в США. С ним мы и выбирались оттуда, застряв в Хабаровске, не успев пересечь на самолет. Там, в ресторане, шутили-ухаживали за толстыми красавицами официантками, да все Табачникова вспоминали. И здесь, в Москве, я сделал с ним два спектакля — «Не было ни гроша...» Островского и «Елизавету Английскую» Брукнера. Оба спектакля в театре у лучшего у нас директора — И. М. Тартаковского. Он-то цену Ефиму Давыдовичу знал. Оба спектакля были очень хороши, и о них бы рассказал, но уж как-нибудь в другой раз.

Привез я на двести полчиных рублей японский чайный сервизик с японочками. Пьем дома чай и вспоминаем холмистую и гористую со всех сторон бухту Владивостока и Ефима Давыдовича Табачникова — такого отличного от всех наших и иностранных людей, каких знаю, режиссера-бесребреника. Я очень жалею, что я не знал, когда Ефим Давыдович умер и когда были похороны. Я очень горюю, что не удалось мне его поцеловать и попрощаться с этим героем нашего времени, человеком, которого я любил и уважал едва ли не больше всех в этой стране. Режиссера. Нашего Чарли Чаплина по образу. Только не смешного и не трагического, а благородного.

Сергей БАРХИН.